

Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г.

© 2012

В. Кузьминков, В. Павлятенко

В статье рассматривается важный исторический этап в послевоенной истории советско-японских отношений — переговоры и подписание Совместной советско-японской декларации 1956 г., на основе которой были решены практически все вопросы, традиционно решаемые послевоенными мирными договорами. На основе комплексного анализа множества документов авторы излагают свою точку зрения на истинную роль Совместной декларации и ее историческое значение для двусторонних советско (российско)-японских отношений.

Ключевые слова: российско-японские отношения, территориальное размежевание, мирный договор, Совместная декларация, Курильские острова, Южный Сахалин, Япония.

На протяжении всего периода отношений современной России с Японией, начиная с декабря 1991 г., постоянным пунктом их политической повестки был и продолжает оставаться вопрос о заключении «мирного договора», который, по утверждению японской стороны, должен привести к «полной нормализации» отношений двух стран. За прошедшие более двадцати лет этот вопрос постоянно дискутировался в обеих странах как на официальном, так и на общественном уровне. В рамках этой дискуссии обозначились позиции сторон в поиске путей и форм разрешения проблемы «мирного договора». Главный итог этих дискуссий — отсутствие перспектив сближения в подходах обеих сторон к решению данного вопроса.

Вместе с тем, признаки «прорыва» вроде бы наметились после избрания в 2000 г. президентом России В. Путина, который предложил японской стороне использовать в качестве юридической основы продолжения переговоров Совместную советско-японскую декларацию 1956 г., на что Токио дал согласие. Это согласие далось японской стороне нелегко, поскольку признание Декларации в качестве юридической базы переговоров ослабляло и даже сводило на нет ряд документов, которые Токио удалось навязать российской стороне в 1991–1998 гг. Именно поэтому еще некоторое время спустя японский МИД пытался апеллировать к двусторонним документам «в пакете».

Однако главное состоит в том, что японский партнер стал жестко навязывать собственное толкование единственного в советско/российско-японских отношениях полноценного с юридической точки зрения международно-правового документа с целью легализовать свои территориальные претензии к России. Понятно, что настойчивость на уровне прессинга, с которой Токио «принуждает» российского партнера заключить «мирный договор», во многом обусловлена убежденностью, что в случае «решения» территориальной проблемы на своих условиях Япония, по сути, сможет использовать этот прецедент в территориальных претензиях к Республике Корея в территориальном споре с КНР, другими словами, начать процесс пересмотра итогов Сан-Францисского мирного договора 1951 г., а в более широком смысле — пересмотра с далеко идущими последствиями итогов Второй мировой войны.

Имея это в виду, представляется важным и необходимым вновь проанализировать ход, условия и особенности переговорного процесса, предшествовавшего заключению Совместной декларации, изложить суть, значимость и **однозначное прочтение** ее положений.

На пути к переговорам

Обострение «холодной войны» и заключение в 1951 г. военно-политического союза между Японией и США серьезно затруднили послевоенное советско-японское урегулирование. Американское правительство односторонним решением ликвидировало Дальневосточную комиссию и Союзный совет для Японии, через которые Советский Союз пытался оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в ней.

Однако односторонняя ориентация Японии на США вызвала недовольство в японском обществе. К тому же, без нормализации отношений с СССР трудно было рассчитывать на вступление Японии в ООН. Постепенно в обоих государствах стала складываться благоприятная обстановка для восстановления дипломатических отношений.

Новый советский руководитель Н.С. Хрущёв (1953–1964), предложил курс на «мирное сосуществование» с государствами иной политической формации и выступил за нормализацию отношений с капиталистическими странами. В частности, Н. Хрущёв считал, что И. Сталин совершил ошибку, не подписав Сан-Францисский мирный договор. В своих мемуарах он отмечал: «Если бы мы подписали мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учетом наших интересов, мы бы сразу открыли в Токио свое представительство, создали посольство. Наши люди имели бы контакты с японцами на новой основе. Наше влияние как-то возросло бы... мы не использовали тогда выгодный момент, сами себя изолировали и тем самым позволили агрессивным силам США натравить японцев против Советского Союза. После того как наши представители удалились из Японии, много лет мы не имели там никаких представителей. Это большая потеря. Мы сами, проявив тупость, непонимание, создали наилучшие условия для антисоветской пропаганды со стороны врагов как внутри Японии, так и в США»¹.

В рамках курса на «мирное сосуществование» советское руководство стало искать пути восстановления советско-японских отношений. Так, 12 сентября 1954 г. министр иностранных дел Вячеслав Молотов (1946–1949 гг.), отвечая на вопросы японской газеты «Тюбу Симбун», заявил, что Советский Союз готов восстановить отношения с Японией². Спустя ровно месяц — 12 октября 1954 г., СССР и КНР в совместной декларации выразили готовность восстановить отношения с Японией.

Вскоре и в Японии сложилась благоприятная ситуация для восстановления отношений с СССР. 10 декабря 1954 г. новым премьер-министром Японии стал лидер Демократической партии Японии Итиро Хатояма (1954–1956). И. Хатояма пришел к власти под лозунгами самостоятельной и независимой внешней политики, отхода от проамери-

канского курса и выбора курса на восстановление отношений с СССР. Вечером 10 декабря 1954 г. на пресс-конференции после первого заседания нового кабинета министров И. Хатояма заявил о готовности улучшать отношения с Советским Союзом и коммунистическим Китаем, увеличивая объем внешней торговли с этими странами³.

В своих мемуарах И. Хатояма объяснял необходимость восстановления отношений с Советским Союзом несколькими причинами. Во-первых, это — проблема мира и безопасности. В условиях противостояния «двух миров» нужно было формализовать окончание состояния войны между Японией и СССР. Восстановив отношения с Советским Союзом, Япония могла бы играть роль посредника между двумя противостоящими лагерями, внося достойный вклад в поддержание мира. Во-вторых — желание поднять престиж страны на международной арене и добиться полной независимости. Для этого было необходимо добиться принятия Японией в ООН, которое долгое время откладывалось из-за советского вето. В-третьих — проблема военнопленных. В СССР еще оставалось большое количество японских военнопленных. В четвертых — возвращение «исконно японских территорий»⁴. Еще одной важной причиной необходимости восстановления отношений с СССР, которую И. Хатояма не упоминал в своих мемуарах, была проблема рыболовства.

В отношении территориального вопроса И. Хатояма опирался на своего советника по внешнеполитическим вопросам Арата Сугихара, который еще в феврале 1954 г. подготовил для него проект нормализации советско-японских отношений. Согласно этому проекту, крайней позицией Японии по территориальному вопросу было возвращение островов Хабомаи и Шикотан⁵.

11 декабря 1954 г. министр иностранных дел нового кабинета Мамору Сигэмицу озвучил внешнеполитический курс нового правительства, в котором помимо сотрудничества с западными странами было выражено «намерение восстановить нормальные отношения с Китаем и СССР»⁶.

Москва незамедлительно отреагировала на заявление нового японского правительства. 16 декабря 1954 г. В. Молотов сделал официальное заявление о том, что Советский Союз приветствует намерение нового правительства Японии восстановить отношения с СССР и «готов обсудить практические шаги в этом направлении»⁷.

Однако не все в кабинете И. Хатоямы были готовы к смелому шагу по восстановлению дипломатических отношений с Москвой. Факты свидетельствуют о том, что заявление В. Молотова вызвало определенное замешательство японской стороны. Так, специально созванное 17 декабря 1954 г. заседание кабинета министров Японии не пришло к единому мнению в отношении заявления В. Молотова. По результатам этого заседания М. Сигэмицу заявил, что поскольку «не ясно, было ли это конкретное предложение сесть за стол переговоров или — просто демонстрация миролюбивого курса, правительство будет следить за ситуацией»⁸.

Характерная особенность рассматриваемого периода состояла в крайней ограниченности двусторонних контактов. С момента капитуляции Японии в 1945 г. в Токио находилось представительство СССР. Советские дипломаты работали там по соглашению с США как союзники в войне против Японии. После вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в апреле 1952 г., японское правительство поставило под сомнение легитимность советского представительства лишь на том «основании», что СССР не подписал указанного договора. Однако торговое представительство, которое было учреждено в период Союзного совета по Японии, продолжало оставаться в Токио.

27 декабря 1954 г. и.о. торгового представителя в Токио Андрей Домницкий получил из Москвы указание в кратчайшие сроки установить контакты с японской стороной. Поскольку японский МИД был настроен весьма консервативно и отказался от контактов, А. Домницкий решил обратиться непосредственно к премьер-министру И. Хатояме⁹. 7 ян-

варя 1955 г. А. Домницкий неофициально посетил главу правительства и предложил после «подписания декларации об окончании состояния войны между СССР и Японией, обменяться посольствами, а затем начать переговоры по поиску решения в отношении территорий, торговли, военнопленных, вступления Японии в ООН и т. п.»¹⁰. И. Хатояма в целом положительно отреагировал на предложение советского представителя.

Однако ни в правительстве, ни внутри демократической партии по-прежнему не было единого мнения в отношении курса нормализации отношений с Советским Союзом. Прежде всего, не было единого мнения между И. Хатоямой и М. Сигэмицу. И. Хатояма считал, что «вначале надо восстановить дипломатические отношения, а уже потом решать вопросы территориального размежевания, рыболовства, вступления Японии в ООН и т.п.»¹¹. М. Сигэмицу же напротив, считал, что «сначала надо решить спорные вопросы, и только потом восстанавливать дипломатические отношения»¹². Таким образом, японское правительство не могло определиться с приоритетностью путей разрешения проблем. В итоге, так и не сумев договориться о приоритетах, 4 февраля 1955 г. на специальном заседании кабинета министров было решено начать переговоры о восстановлении отношений с СССР. В качестве основных задач были выделены: вступление Японии в ООН, территориальный вопрос, торгово-экономические отношения и возвращение японских военнопленных. Проведение переговоров и выработка курса по восстановлению отношений с СССР были возложены на министра иностранных дел М. Сигэмицу и подчиненное ему ведомство¹³.

К тому времени, в японском МИДе уже был выработан конкретный курс в отношении урегулирования территориального вопроса с СССР. Условием восстановления дипломатических отношений в МИДе видели «возвращение островов Хабомаи и Шикотан»¹⁴. Кроме того, японские дипломаты не хотели отказываться от Курильских островов (Тисима рэтто) и намеревались в будущем сохранить возможность решения т.н. «территориального вопроса»¹⁵.

В связи с жесткой позицией японского МИДа, а также некоторых соратников по партии, И. Хатояма был вынужден скорректировать свою позицию. Если в начале 1955 г. он намеревался добиваться восстановления дипломатических отношений с СССР, отложив переговоры по территориальному вопросу, то с февраля того же года он стал склоняться к включению в условия восстановления отношений с Советским Союзом «требования о возвращении группы Хабомаи и о. Шикотан». Выступая 25 марта 1955 г. в верхней палате парламента страны, И. Хатояма заявил: «Принадлежность Японии островов Хабомаи и Шикотан очевидна и мы должны настаивать на их возвращении. Что же касается минами Тисима (островов Итуруп и Кунашир. — *Прим. авт.*) и Сахалина, то, поскольку существует Сан-Францисский мирный договор, мы не можем требовать их возвращения»¹⁶. Таким образом, еще до начала переговоров с Советским Союзом И. Хатояма отрицал возможность оспаривания Японией принадлежности южной части острова Сахалин и островов Итуруп и Кунашир.

Хорошо известно, что позиция японской стороны в отношении переговоров с СССР формировалась под серьезным давлением Госдепартамента США. После заключения Сан-Францисского мирного договора США внимательно следили за развитием советско-японских отношений. Уже в январе 1955 г. они выразили свою позицию в отношении нормализации советско-японских отношений. 25 января 1955 г. А. Даллес направил в Токио ноту, в которой выразил пожелание, чтобы результаты советско-японских переговоров по восстановлению отношений не противоречили условиям Сан-Францисского мирного договора и американо-японского договора безопасности. В отношении территориального вопроса А. Даллес указывал, что «США поддерживают позицию Японии о том, что группа Хабомай и о. Шикотан не входят в географическое понятие Курильские острова»¹⁷. Однако из этого не следовало, что США были согласны допустить «нормализацию советско-японских отношений путем возврата островов Ха-

бомаи и Шикотан». А. Даллес подчеркивал, что «американское правительство не сможет согласиться с тем, что Япония признает суверенитет Советского Союза над Курильскими островами и южной частью острова Сахалин, принадлежность которых не была определена Сан-Францисским мирным договором»¹⁸. США явно испытывали беспокойство в связи с началом советско-японских переговоров и пытались не допустить их более тесного сближения, поддерживая территориальные претензии Японии к Советскому Союзу.

К маю 1955 г. усилиями МИДа Японии был разработан подробный план по восстановлению отношений с СССР, известный как «Директива № 16». Несмотря на то, что японские власти до сих пор отказываются обнародовать текст этого документа, его содержание известно исследователям. Согласно этой директиве, восстановление советско-японских отношений должно было проходить в рамках Сан-Францисской системы безопасности. Конечной целью переговоров было заключение мирного договора. Минимальным условием для заключения мирного договора с Советским Союзом было «возвращение островов Шикотан и Хабомаи, а также отправка на родину японских военнопленных»¹⁹.

26 мая 1955 г. М. Сигэмицу лично вручил «Директиву № 16» японскому представителю на переговорах Сюнъити Мацумото, который отправлялся в Лондон, где 1 июня должны были начаться неофициальные переговоры о восстановлении отношений между СССР и Японией. В дополнение к «Директиве № 16» С. Мацумото получил подробные инструкции в отношении территориального вопроса. Эти инструкции включали в себя три позиции. В соответствии с первой С. Мацумото должен был, прежде всего, настаивать на «безусловном возвращении островов Хабомаи и Шикотан как исконно японских территорий», и возврат этих островов рассматривался как «необходимое условие для заключения мирного договора»²⁰. Вторая — состояла в требовании возвращения южных Курильских островов (Итурупа и Кунашира. — *Прим. авт.*) по «историческим причинам»²¹. Однако это условие не являлось необходимым для заключения договора. И, наконец, суть третьей позиции — выдвинуть претензии на северные Курильские острова и южную часть острова Сахалин как «предмет торга»²².

Переговоры в Лондоне

7 июня 1955 г. на второй встрече глав делегаций С. Мацумото передал главе советской делегации, послу СССР в Англии Я. Малику меморандум, в котором выдвигалось семь условий восстановления отношений между двумя странами, в том числе территориальные. В частности, это были территориальные претензии в отношении принадлежности островов Хабомаи, Шикотан, Курильских островов, а также южной части острова Сахалин²³. Тот факт, что Хабомаи и Шикотан были вынесены отдельно, а не в составе Курильских островов подтверждает стремление японской стороны подчеркнуть их особый статус как «части острова Хоккайдо».

14 июня 1955 г. на третьей встрече глав делегаций советская сторона отвергла территориальные претензии японской стороны, заявив, что «принадлежность Южного Сахалина, а также Курильских островов, включая острова Хабомаи и Шикотан, решена согласно Ялтинскому соглашению, Потсдамской декларации, «Общему приказу № 1» и меморандуму верховного главнокомандующего союзных держав № 677»²⁴.

Продолжавшиеся до середины июля 1955 г. советско-японские переговоры в Лондоне были прерваны на время Женевского совещания с участием глав США и СССР. Используя эту возможность, Япония попыталась заручиться американской поддержкой. Но США, проявляя большой интерес к ходу советско-японских переговоров, не собирались вмешиваться до тех пор, пока Япония не шла на уступки в территориальном вопросе²⁵. Такую позицию невмешательства США занимали до августа 1956 г.

4 августа 1955 г. на неофициальной встрече Я. Малик внезапно спросил у С. Мацумото о крайней позиции Японии по территориальному вопросу. С. Мацумото отве-

тил: «Возвращение островов Хабомаи и Шикотан, которые считаются в Японии частью острова Хоккайдо», — и добавил, что «по историческим причинам» японское правительство «не может отказаться от Курильских островов (Тисима рэтто) и южной части острова Сахалин»²⁶. Однако С. Мацумото не пояснил какие «исторические причины» лежат в основе претензий японской стороны. Я. Малик в ответ напомнил японскому партнеру, что «по Сан-Францисскому мирному договору Япония уже отказалась от Курильских островов и южной части острова Сахалин»²⁷.

Я. Малик не случайно поинтересовался крайней позицией Токио по территориальному вопросу. Дело в том, что по возвращении в Москву он беседовал с Н. Хрущёвым и тот отругал его за проволочку переговоров. Москве давно было известно о крайней позиции Токио по территориальному вопросу. Поэтому на всякий случай существовала инструкция Н. Хрущёва, одобрявшая территориальную уступку Японии. Она предусматривала передачу Японии одновременно с заключением мирного договора островов Хабомаи и Шикотан²⁸.

5 августа 1955 г., состоялась еще одна неофициальная встреча глав делегаций в японском посольстве, на которой Я. Малик неожиданно для своего собеседника заявил о готовности советской стороны передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. С. Мацумото был настолько удивлен, что «не поверил своим ушам»²⁹.

Анализ большого массива материалов дает основание утверждать, что приступая к переговорам с советской стороной, Токио не особенно надеялся на территориальные уступки. Во-первых, японцы не имели права требовать «возврата» островов, поскольку сами же отказались от них по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Во-вторых, у советской стороны было много очевидных «козырей», например, от Москвы всецело зависело решение таких вопросов, как досрочное освобождение японских военнопленных, допуск Японии в ООН, разрешение на промысел морепродуктов в Охотском море и др. Тем не менее, Н. Хрущёв настоял на уступке в территориальном вопросе, видимо, рассчитывая таким образом смягчить японскую позицию по территориальному вопросу и как можно быстрее заключить мирный договор. Однако, как показали дальнейшие события, уступка в территориальном вопросе только ослабила позиции Москвы.

27 августа 1955 г. М. Сигэмицу выслал С. Мацумото «дополнительную директиву», в которой уже требовал «безоговорочного возвращения островов Хабомаи и Шикотан, а также возвращения островов Кунашир и Итуруп». В отношении принадлежности остальных территорий — «северной Тисимы» (Курильских островов) и южной части острова Сахалин предлагалось созвать международную конференцию³⁰. Таким образом, в качестве нового дополнительного условия японская сторона выдвинула «возвращение» еще двух островов Курильской гряды — Итурупа и Кунашира, что противоречило ее первоначальным требованиям. К тому же, если в отношении принадлежности островов Хабомаи и Шикотан на Сан-Францисской конференции 1951 г. были разногласия, то принадлежность Итуруп и Кунашир к Курильским островам признавалась всеми.

Еще одним важным поворотом в японской позиции можно считать отказ от прямых претензий на остальные острова Курильской гряды и южную часть острова Сахалин, что нашло отражение в требовании о созыве международной конференции для решения вопроса о принадлежности этих территорий. Кроме того, с этого момента японская позиция начинает формироваться в виде претензий на четыре острова — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи как на «исконно японские территории, не входящие в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору»³¹.

Свою позицию японский МИД строил на утверждении, что согласно Санкт-Петербургскому договору 1875 г. об обмене Курильских островов на остров Сахалин, «Курильские острова» состояли из 18 островов к северу от острова Итуруп³². Следовательно, Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай не входят в состав Курильских островов.

Однако такая позиция совершенно несостоятельна, поскольку как в японском, так и во французском варианте перевода Санкт-Петербургского договора 1875 г. указано не «Курильские острова», а «группа Курильских островов»³³.

У японской стороны было, как минимум, три причины изменить свою позицию. Во-первых, это — тактика самого переговорного процесса. Так быстро и легко согласившись на уступку двух островов, советская сторона дала повод думать, что возможен дальнейший торг. К тому же, в японском МИДе очень осторожно отнеслись к компромиссному варианту советской стороны. Япония опасалась, что взамен Советский Союз может потребовать, например, право прохода через морские проливы.

Во-вторых, это — японо-американские отношения. США постоянно давали понять Японии, что уступки по отношению к СССР плохо отразятся на японо-американских отношениях. Япония не могла решить территориальный вопрос, согласившись всего лишь на два острова, США никогда бы не одобрили такого шага со стороны Японии.

В-третьих, это — внутривнутриполитическая ситуация. В то время был взят курс на слияние Либеральной и Демократической партий Японии. Однако наиболее острые разногласия двух партий были связаны с проблемой восстановления дипломатических отношений с СССР. Либеральная партия, где особенно влиятельной была фракция Сигэру Ёсида, занимала жесткую позицию и была против скорого восстановления отношений с СССР, требуя «возвращения островов Итуруп и Кунашир»³⁴. Поэтому серьезная оппозиция Либеральной партии в этом вопросе могла привести к провалу курса на слияние.

12 ноября 1955 г. в преддверии образования новой Либерально-демократической партии Японии, усилиями консерваторов был принят общий курс будущей партии на восстановление отношений с Советским Союзом под названием «рациональное согласование мнений по японо-советским переговорам»³⁵. Фактически была подтверждена новая позиция Японии в отношении территориальных претензий. Таким образом, если раньше японские дипломаты довольно свободно действовали в гибких рамках секретной «Директивы № 16», то теперь переговоры должны были проводиться согласно опубликованному курсу будущей новой правящей партии. 20 марта 1956 г. зашедшие в тупик лондонские переговоры были прерваны, казалось, на неопределенный срок. Однако уже спустя полтора месяца японская сторона обратилась к советской стороне с предложением возобновить переговоры.

Дело в том, что 8 февраля 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление, по которому запрещался лов лососей без разрешения органов рыбоохраны СССР в районе, ограниченном с востока и юга линией, проходящей от мыса Олюторский на севере и до точки 48° северной широты и 170° восточной долготы на юге, а затем на запад — до острова Анучина. Согласно постановлению действие ограничений должно было начаться с 15 мая 1956 г. Тихоокеанский флот получил приказ выдвинуться к линии, получившей впоследствии название «линии Булганина» по имени Председателя правительства СССР Н.А. Булганина (1955–1958). То есть Советский Союз был на грани объявления Японии «лососевой» войны.

Карьера некоторых японских политиков сильно зависела от поддержки рыбного лобби. На протяжении многих лет проблема рыболовства была для японцев гораздо важнее, чем территориальная. Поэтому 27 апреля 1956 г. в Москву прибыла солидная делегация во главе с министром сельского и лесного хозяйства Итиро Коно, целью которой была отмена «линии Булганина», существенно ограничивавшей право Японии на добычу лососевых в Охотском и Беринговом морях.

Во время переговоров Москва опять пошла на уступку, в результате чего 14 мая 1956 г. была подписана советско-японская рыболовная конвенция, ограничивающая объемы изъятия тихоокеанских лососей, пойманных японскими рыбаками с помощью дриф-

терных сетей, а «линия Булганина» была отменена, не дожидаясь официальной нормализации отношений между двумя странами.

Еще одним важным результатом «рыбных» переговоров было достижение соглашения о возобновлении советско-японских переговоров по восстановлению отношений между СССР и Японией. Это соглашение было достигнуто на неофициальной встрече Н. Булганина с И. Коно, состоявшейся по инициативе японского представителя 9 мая 1956 г. в Кремле.

По мнению некоторых японских исследователей, эта встреча до сих пор связана с некой тайной, поскольку И. Коно не разрешил присутствовать на встрече никому из японских сотрудников, даже переводчику³⁶. С советской стороны на встрече, помимо Н. Булганина, присутствовали министр рыбной промышленности СССР А. Ишков и заместитель министра иностранных дел Н. Федоренко, переводил беседу советник Министерства иностранных дел Н. Адырхаев, который впоследствии и раскрыл тайну этих переговоров.

На встрече с Н. Булганиным И. Коно посоветовал советским руководителям оказать давление на правительство Японии, чтобы оно проявило больший интерес к нормализации отношений с СССР, и предложил внести в будущее рыболовное соглашение пункт о том, что документ вступит в силу только в случае, если Япония возобновит переговоры о нормализации отношений не позднее определенной даты. Советская сторона воспользовалась данным советом. В соглашение была включена фраза «не позднее 31 июля».

Японское правительство вынуждено было скорректировать свой курс в отношении нормализации советско-японских отношений. 6 июня 1956 г. на пресс-конференции И. Хатояма предложил курс на скорейшее восстановление отношений с Советским Союзом, отложив решение территориального вопроса. Хатояма заявил, что в случае отказа Советского Союза «вернуть южные Курильские острова», надо заключить мирный договор, отложив решение проблемы принадлежности островов Итуруп и Кунашир³⁷. И. Хатояма по-прежнему был готов сначала восстановить дипломатические отношения с СССР, а уже потом решать территориальный вопрос.

В свою очередь М. Сигэмицу выступил с резкой критикой предложения премьера, назвав его «нелепым»³⁸. Он считал, что прежде всего необходимо закрепить уже достигнутые результаты переговоров, то есть подтвердить обещание Советского Союза «вернуть Японии острова Хабомаи и Шикотан». Несмотря на разные с премьером позиции в отношении нормализации отношений с СССР, именно М. Сигэмицу был назначен представителем на следующем раунде переговоров, который было решено начать 31 июля 1956 г. в Москве³⁹.

Переговоры в Москве

На заседании 31 июля новый министр иностранных дел СССР Д. Шепилов заявил М. Сигэмицу, что уступка островов Хабомаи и Шикотан является «максимально возможной территориальной уступкой со стороны Советского Союза»⁴⁰. В ответ на это японский партнер, повторив японскую позицию о том, что Советский Союз не может использовать известную формулировку Сан-Францисского мирного договора 1951 г. об отказе Японии от Курильских островов и южной части острова Сахалин, сделал новое предложение, суть которого состояла в готовности Японии признать данную формулировку в пользу Советского Союза «при условии его согласия вернуть Японии острова Итуруп и Кунашир»⁴¹. Таким образом, надеясь на дальнейшие уступки, М. Сигэмицу, вопреки установленному партией курсу, снял требование созыва международной конференции для решения вопроса о принадлежности Курильских островов и южной части острова Сахалин.

Для обоснования претензий японской стороны на четыре южные острова Курильской гряды М. Сигэмицу использовал термин «исконно японские территории». В

частности, он заявил, что права Японии на эти острова были признаны Россией по Симодскому трактату 1855 г. и Санкт-Петербургскому трактату 1875 года⁴². 3 августа 1956 г. на второй встрече Д. Шепилов отверг предложение М. Сигэмицу, заявив, что претензии Японии на Курильскую гряду и апелляция к Санкт-Петербургскому мирному договору 1875 г. являются необоснованными в силу агрессии, развязанной Японией в отношении России в 1904 г.⁴³.

После сложных переговоров 12 августа М. Сигэмицу сообщил в Токио, что следует отказаться от Кунашира и Итурупа, ограничившись островами Хабомаи и Шикотан, и заключить мирный договор на предложенных Советским Союзом условиях⁴⁴. Такая позиция Сигэмицу объясняется, прежде всего, тем, что он был реалистом и сторонником нормализации отношений с Советским Союзом путем заключения мирного договора. М. Сигэмицу считал, что нормализация отношений с СССР без решения территориального вопроса приведёт к тому, что Япония потеряет все острова⁴⁵. Более того, его позиция отбечала изначальноному курсу японской стороны, целью которого было заключение мирного договора, а минимальным условием — «возвращение островов Хабомаи и Шикотан».

13 августа 1956 г. на внеочередном заседании кабинета министров предложение М. Сигэмицу заключить мирный договор на условиях советской стороны было единогласно отклонено⁴⁶. Сторонник скорейшего восстановления отношений с Советским Союзом премьер-министр И. Хатояма также не поддержал М. Сигэмицу. Как глава правительства И. Хатояма вынужден был учитывать разные аспекты. Во-первых, предложение М. Сигэмицу противоречило принятому курсу партии в отношении нормализации отношений с СССР. Во-вторых, общественное мнение Японии не было готово к такому развитию событий. В-третьих, существовала позиция Соединенных Штатов, которые были против заключения советско-японского мирного договора на условиях передачи только двух островов. Учитывая все эти аспекты, И. Хатояма решил сначала восстановить отношения с Советским Союзом, а уже потом решать территориальную и другие проблемы двусторонних отношений. Поэтому, отозвав М. Сигэмицу, И. Хатояма решил сам поехать на переговоры⁴⁷.

Перед возвращением в Токио М. Сигэмицу принял участие в лондонской конференции по проблеме Суэцкого канала. 19 августа 1956 г. в посольстве США в Лондоне он встретился с госсекретарем США Джоном Ф. Даллесом и информировал его о ходе московских переговоров. С целью не допустить советско-японского сближения Д. Даллес заявил М. Сигэмицу, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором Япония признает суверенитет Советского Союза над островами Кунашир и Итуруп, США получат право на полный суверенитет над островами Рюкю, и навсегда останутся на Окинаве⁴⁸. М. Сигэмицу поставил в известность об этом разговоре С. Мацумото, который отмечал впоследствии в своих мемуарах, что подобная информация поступала в посольство Японии в Вашингтоне. Однако то, что Д. Даллес лично заявит об этом министру иностранных дел, было большой неожиданностью для самого министра, отмечал Мацумото⁴⁹.

Истолковывая, таким образом, японские территориальные притязания к Советскому Союзу и будучи уверенным, что СССР их отклонит, Д. Даллес был бы не прочь, ссылаясь на Сан-Францисский мирный договор, навечно «узаконить» отторжение от Японии в пользу США жизненно важных для нее островов Рюкю⁵⁰. 24 августа Даллес вновь беседовал с М. Сигэмицу и, сославшись на 26 статью Сан-Францисского мирного договора, категорически потребовал от японского правительства отказа от урегулирования территориального вопроса с СССР, заявив, что условия вышеупомянутой статьи запрещают Японии предоставлять странам, не подписавшим Сан-Францисский договор, «более выгодные условия», чем странам участницам этого договора⁵¹.

Более чем за месяц до подписания советско-японской Совместной декларации 7 сентября 1956 г. Д. Даллес направил ноту Токио, в которой, в частности, говорилось, что

«в отношении Курильских островов американское правительство считает Ялтинское соглашение лишь общим курсом лидеров антигитлеровской коалиции, а совсем не окончательным решением, и что данное соглашение не имеет юридической силы, дающей право производить передачу островов». Далее отмечалось, что «правительство США, тщательно изучив проблему, пришло к выводу, что острова Итуруп и Кунашир являются исконно японскими территориями, также, как и острова Шикотан и Хабомаи, которые составляют часть острова Хоккайдо». Кроме того, в ноте было отмечено, что Япония не имеет право распоряжаться суверенитетом территорий, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору⁵².

Таким образом, с целью помешать нормализации отношений между СССР и Японией американская сторона пошла на отказ от ее ялтинских договоренностей с союзниками и тем самым помогла Токио выстроить его позицию в отношении решений Ялтинской конференции, которая используется японской стороной до сих пор, несмотря на ее полную несостоятельность.

В связи с тупиковой ситуацией, создавшейся из-за территориальных претензий, И. Хатояма с подачи С. Мацумото предложил советской стороне подписать не полномасштабный мирный договор, а документ, решающий лишь такие первоочередные задачи, как прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений⁵³. 11 сентября 1956 г. японский премьер-министр направил Председателю Совета Министров СССР Н. Булганину послание из пяти пунктов, в котором изложил принципы нормализации советско-японских отношений. Они представляли собой: 1. прекращение состояния войны; 2. обмен посольствами; 3. немедленную репатриацию оставшихся в СССР японских военнопленных; 4. вступление в силу рыболовной конвенции; 5. поддержку Советским Союзом приёма Японии в ООН⁵⁴. Кроме указанных пяти пунктов, послание содержало условия продолжения переговоров по «территориальному вопросу после нормализации советско-японских отношений». Таким образом, И. Хатояма предложил вернуться к своей изначальной позиции — к восстановлению отношений с Советским Союзом без решения территориального вопроса.

13 сентября 1956 г. в Токио получили ответ Н. Булганина, в котором была выражена готовность Советского Союза возобновить переговоры по нормализации советско-японских отношений на основе пяти пунктов И. Хатояма. Однако в ответе Булганина ничего не было сказано о продолжении переговоров по территориальному вопросу⁵⁵.

Для подтверждения намерений обсуждать территориальный вопрос после восстановления советско-японских отношений И. Хатояма послал в Москву С. Мацумото, который на встрече 29 сентября 1956 г. обменялся с первым заместителем министра иностранных дел СССР А. Громыко письмами относительно продолжения переговоров о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией⁵⁶. Другими словами, обе стороны подтвердили, что обсуждение территориального вопроса будет продолжено, после восстановления дипломатических отношений.

Тем не менее, предложение И. Хатояма восстановить советско-японские отношения, отложив решение территориального вопроса, разделяли далеко не все члены правящей партии и правительства. Противников инициативы И. Хатояма больше всего беспокоила возможность отказа СССР обсуждать территориальный вопрос после восстановления двусторонних дипломатических отношений⁵⁷. 20 сентября 1956 г. на внеочередном общем собрании партии был принят новый курс по восстановлению отношений с Советским Союзом. Согласно этому курсу японское правительство должно было добиваться «немедленного возвращения» всех японских военнопленных, островов Хабомаи и Шикотан, а также «продолжения переговоров о возвращении островов Кунашир и Итуруп после заключения мирного договора». Кроме того, судьба остальных территорий должна была быть решена согласно Сан-Францисскому мирному договору. И, наконец, в

будущем советско-японском мирном договоре должны быть отражены «все договоренности, достигнутые в ходе переговоров в Лондоне и Москве»⁵⁸. Таким образом, в новом курсе партии целью советско-японских переговоров было определено заключение мирного договора, а непременным условием — «возвращение» японских военнопленных и островов Хабомай и Шикотан. Кроме того, правящая партия обязала правительства добиваться от СССР продолжения переговоров о принадлежности островов Итуруп и Кунашир после заключения мирного договора.

Перед отъездом японской делегации на переговоры в Москву правительство разработало три варианта ведения предстоящих советско-японских переговоров. Первый вариант по своему содержанию был наиболее близким к новому курсу правящей партии. Он включал в себя требования «немедленного возвращения островов Хабомай и Шикотан», «передачу островов Кунашир и Итуруп после восстановления прав Японии на остров Окинаву». Данный вариант также включал отказ Японии от «Курильских островов к северу от Итурупа» и от «южной части острова Сахалин»⁵⁹.

Второй вариант, подготовленный на случай отклонения советской стороной первого варианта, ставил своей основной целью не подписание мирного договора, а подписание «договора об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», не предусматривавшего решение территориального вопроса. Вариант включал в себя требование подписать «совместное коммюнике», в котором бы последним пунктом предусматривалось достижение «договоренности о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос»⁶⁰. По сути, этот вариант отражал идею японского премьер-министра о восстановлении двусторонних дипломатических отношений без одновременного разрешения территориального вопроса.

Третий вариант в целом и по сути представлял собой прежнее предложение И. Хатояма о восстановлении дипломатических отношений с отсрочкой разрешения территориального вопроса: в нем отсутствовал пункт даже о передаче островов Хабомай и Шикотан.

«Вооруженная» такими инструкциями, японская делегация во главе с И. Хатояма прибыла 13 октября 1956 г. в Москву. Несмотря на предварительно согласованную повестку, исключавшую обсуждение территориального вопроса, японская делегация на первом же заседании поставила вопрос о скорейшем возврате островов Хабомай и Шикотан.

16 октября 1956 г. главный переговорщик с японской стороны, министр сельского хозяйства и лесоводства И. Коно на второй встрече с Н. Хрущёвым, ссылаясь на внутривластную ситуацию в Японии, поставил вопрос о том, чтобы зафиксировать в итоговом документе о нормализации отношений передачу Японии островов Хабомай и Шикотан⁶¹. При этом японский представитель извинился за то, что предлагает возобновить переговоры не на тех условиях, на которых была достигнута предварительная договоренность, оформленная посланиями глав правительств и обменными письмами заместителей министров иностранных дел. Таким образом, японская сторона уже в самом начале переговоров отошла от предварительно согласованной повестки и представила новые условия заключения совместной декларации*.

На встрече с Н. Хрущёвым 18 октября 1956 г. И. Коно предложил включить в текст декларации формулировку о том, что «Япония и СССР согласились на продолже-

---

* Такой «маневр» был призван поставить партнера в сложное положение, заставить его «на ходу» вырабатывать новую позицию. Но самое важное состояло в том, что японская сторона отказалась от уже согласованной с партнером позиции. Эта «хитрость» вплоть до сегодняшнего дня использовалась и продолжает использоваться Токио в переговорном процессе с СССР/Россией. Так, Токио практически сразу отказался от положений обоюдно ратифицированной Совместной советско-японской декларации 1956 г. Многочисленные примеры подобных «перемен» в переговорной практике японской стороны с советскими/российскими партнерами дает основание ставить вопрос о степени доверия словам и делам японской дипломатии.

ние после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров о заключении мирного договора, включающего территориальный вопрос». Однако Н. Хрущёв заявил, что советская сторона не может согласиться с выражением «включающего территориальный вопрос», поскольку «...если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Шикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кризисам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать»⁶².

Японская сторона согласилась исключить из текста Совместной декларации выражение «включающего территориальный вопрос». Однако несоответствие курсу партии могло привести правительство И. Хатоямы к полному политическому фиаско. Поэтому японцы решили пойти на хитрость и вместе с декларацией опубликовать обмен письмами между А. Громыко и С. Мацумото, в которых шла речь о продолжении переговоров по территориальному вопросу после нормализации советско-японских отношений.

19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии, в пункте 9 которой СССР соглашался на «продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении мирного договора». Декларация одновременно была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и Парламентом Японии 8 декабря 1956 г. и вступила в силу 12 декабря 1956 г. после состоявшегося в Токио обмена ратификационными грамотами. Процедура ратификации Совместной декларации, характерная для международных договоров, придавала ей «особый правовой статус»⁶³.

Совместная декларация, в отличие от одностороннего акта о прекращении состояния войны, выражала согласованную волю сторон и в этом отношении она была аналогичной как прелиминарному, так и окончательному мирному договору. Этот документ содержал также конкретное положение, общее и с прелиминарным мирным договором, — предварительное согласие передать Японии острова Хабомаи и Шикотан при условии восстановления добрососедства и дружбы, а также выполнения согласованного обязательства об открытии переговоров между СССР и Японией с целью заключения мирного договора.

Важно отметить тот факт, что согласие Советского Союза передать Японии острова Хабомаи и Шикотан отвечало изначальной позиции правительства Японии по восстановлению отношений с Советским Союзом. В ходе переговоров в Москве японская делегация согласилась с тем, что территориальный вопрос между СССР и Японией решен.

Однако сразу после подписания Совместной декларации японская сторона стала настаивать на продолжении переговоров по территориальному вопросу, толкая обменными письмами между А. Громыко и С. Мацумото как относящиеся к содержанию Совместной советско-японской декларации, что противоречило действительности. Указанные письма относились не к окончательному тексту Совместной декларации, а к промежуточному японскому проекту из пяти пунктов, предусматривающему нормализацию отношений без упоминания территориального вопроса. Поэтому толкование японской стороной этих писем как основы для продолжения переговоров по территориальному вопросу является искусственным и надуманным.**

** В данном случае мы имеем дело с еще одной «хитростью» японской дипломатии: произвольно вырвать факт из контекста событий, дать ему собственную трактовку, которая якобы «опрокидывает аргументацию партнера», втянуть противоположную сторону в безрезультатную дискуссию, измотать ее в этой дискуссии и тем самым создать условия для того, чтобы партнер по переговорам в этих условиях допустил ошибку, которой бы и воспользовалась японская сторона. Эта модель работала и продолжает работать в российско-японском переговорном процессе.

Таким образом, представленный выше анализ событий, связанных с подписанием советско-японской Совместной декларации, проведенный практически исключительно на японских источниках, свидетельствует о двух очевидных и бесспорных фактах. Во-первых, Япония, ратифицировав декларацию, в соответствии с условиями пункта 9 фактически признавала за Советским Союзом право на владение южными Курильскими островами (Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи). Во-вторых, в соответствии с тем же пунктом 9 декларации Япония признавала, что с передачей ей Советским Союзом островов Шикотан и Хабомаи, так называемый «территориальный вопрос» в отношениях между двумя странами окончательно закрывался.

* * *

Анализ изложенных выше фактов, безусловно, представляет конкретный практический интерес с точки зрения формирования российской позиции на переговорах с Японией о заключении «мирного договора». Но его актуальность становится еще более острой с учетом возникшей у японской стороны уверенности «разрешить территориальную проблему с приходом В. Путина». Это выглядит тем более удивительно, что еще во второй половине 2011 г. японские эксперты в подавляющем большинстве не связывали надежды на разрешение «территориального спора» с В. Путиным и однозначно рассматривали «тандем В. Путин — Д. Медведев» как «товарищей, с которыми нет смысла вести какие-либо переговоры» о мирном договоре «на базе решения территориальной проблемы».

Авторы, однако, считают необходимым дать другой взгляд на «проблему» Совместной декларации 1956 г. и на перспективы подписания российско-японского мирного договора.

Прежде всего, следует подчеркнуть — Совместная советско-японская декларация 1956 г. больше, чем просто выполнила свои функции по восстановлению дипломатических отношений между СССР и Японией в послевоенный период. Более 50 послевоенных лет она оставалась базой и юридической основой разветвленных двусторонних отношений. Однако очевидно и другое — Декларация более не может выполнять прежние функции, ей нужна замена. Эта замена обусловлена кардинальными переменами в геополитической и геоэкономической ситуации в регионе Восточной Азии и в мире в целом. Эти перемены объективно требуют от России новых подходов к определению приоритетов, как в ее всестороннем развитии, так и в обеспечении национальной безопасности и национальных интересов.

Выстраивание всеобъемлющих отношений с Японией объективно является одним из приоритетов внешнеполитической стратегии России на азиатском направлении. Однако это выстраивание должно учитывать новые обстоятельства, которые диктуют выбор форм и направлений обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России в Восточной Азии. Следует подчеркнуть, что «мирный договор» с Японией, обремененный территориальными претензиями Японии к России, к числу таких приоритетов не относится. Фактом остается то, что Япония не имеет в классическом понимании «мирных договоров» с КНР и Республикой Корея, в которых бы урегулировались вопросы послевоенного взаимодействия, включая вопросы территориального размежевания. Японо-китайский «Договор о мире, дружбе и сотрудничестве» декларируется японской стороной как «мирный договор». Однако он не имеет ничего общего с «мирным договором», который японская сторона пытается навязать России. Очевидно, что отсутствие классических мирных договоров с КНР и РК не является для Японии проблемным и вовсе не тормозит развития отношений Токио с этими важнейшими партнерами. Этот факт подтверждает необходимость для российской стороны освободиться от мифа о взаимозависимости наличия «мирного договора» с масштабами экономического сотрудничества. Такой связи сегодня нет и на близкую и среднесрочную перспективу подобной увязки не предвидится.

Нынешняя геополитическая и геоэкономическая обстановка в Восточной Азии кардинальным образом отличаются от периода заключения Совместной декларации. В 1960 г. Япония и США заключили новый договор о безопасности, в соответствии с которым США взяли на себя обязательство защищать территорию Японии в «чрезвычайных обстоятельствах». В 1976 г. СССР установил в соответствии с международными нормами специальную 200-мильную экономическую зону (СЭЗ), что значительно изменило геоэкономическую ситуацию. В 1991 г. распался Советский Союз со всеми вытекающим последствиями, и Россия стала правопреемницей СССР, уступая прежней державе по многим параметрам, что затрудняло и даже делало невозможным для нее играть решающую роль в формировании военно-политической обстановки в Восточной Азии. В конце XX — начале XXI вв. в регионе Северо-Восточной и Восточной Азии в целом меняется расстановка сил: на первый план выдвигается Китай, в том числе за счет утраты США ряда прежних позиций. Новый статус КНР обусловил рост не только конкуренции, но и противостояния между Пекином, с одной стороны, и Вашингтоном, Токио, Канберрой — с другой. Важную роль с точки зрения роста региональной напряженности играют проблемы территориальных претензий в регионе, которые затрагивают его ведущие страны — Японию, КНР, Республику Корея, государства АСЕАН. Все страны внимательно наблюдают друг за другом в плане существования этих территориальных проблем, и предпочтительным вариантом их разрешения для большинства участников является формула «каждый владеет тем, чем владеет». Уступки, тем более Японии, которая имеет недавнюю печальную историю взаимоотношений с региональными странами, рассматриваются как проявление политической слабости. Данное обстоятельство следует учитывать российской стороне при формировании ее позиции на переговорах с Японией. Конкретным выражением новых угроз безопасности России в регионе стало практическое участие Японии в развертываемой США в Восточной Азии региональной ПРО (ПРО ТВД), которая нацелена на нейтрализацию российского потенциала сдерживания, являющегося жизненной основой обеспечения безопасности России.

Указанные и другие кардинальные перемены в СВА объективно диктуют необходимость пересмотра многих подходов российской стороны к формированию ее стратегии в Восточной Азии в целом и к оптимизации позиции в отношении переговоров с Японией о заключении «мирного договора» в частности. Эта оптимизация с полным основанием может быть осуществлена на основе международного права. Как отмечалось выше, Япония однозначно отказалась от выполнения своих обязательств по Совместной декларации, определенных в ее пункте 9, расширив свои претензии до четырех островов. Эта позиция сохраняется и сегодня. Венская конвенция о праве международных договоров от 1969 г. в этой связи определяет (ст. 44, 62), что договор может быть не исполнен полностью или частично, если изменение обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств⁶⁴. Отказ Японии от первоначально принятых ею условий декларации (п. 9), безусловно, «изменил сферу действий обстоятельств».

Таким образом, вышеизложенное убеждает в том, что новые геополитические обстоятельства в регионе и в мире диктуют необходимость пересмотра Россией многих прежних позиций, которые частично, а в ряде случаев и абсолютно, не отвечают национальным интересам страны и ее безопасности в целом.

---

1. Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть: (Воспоминания). М., 1999. Кн. 1. С. 636.

2. Правда. 1954. 13сент.

3. Асахи симбун. 1954. 11 дек.

4. Хатояма Итиро. Хатояма Итиро Кайкорoku [(Воспоминания Итиро Хатояма)]. 1957. С. 197–199.

5. Вада Харуки. Хоппорёдо мондай о сайко суру [(Ещё раз о проблеме северных территорий)]// Сэкай, Токио. 1992, № 2. С. 223–224.

6. Майнити симбун. 1954. 17 дек.
7. Там же.
8. Там же.
9. *Фудзита Кадзю*. Домуницуки симацуки [(Записки о миссии Домницкого)]. Бунгэй сьондзю. 1955. № 4 С. 130–138.
10. *Мацумото Сюнъити*. Мосукува ни какэру нидзи — ниссо кокко кайфуку хироку [(Радуга над Москвой — Секретные материалы по восстановлению японо-советских отношений)]. Токио, 1966. С. 24.
11. Асахи симбун. 1955. 4 февр.
12. Там же; см. также: Асахи симбун. 1955. 5 февр.
13. Там же.
14. Требование «возвращения островов Шикотан и Хабомаи» было официально одобрено нижней палатой японского парламента в июле и ноябре 1953 г.
15. *Такахико Танака*. Ниссо кокко кайфуку но ситэки кэнкю. [(Историческое исследование восстановления дипломатических отношений между Японией и СССР)]. Токио, 1993. С. 92–93.
16. Асахи симбун. 1955. 25 марта.
17. *Вада Харуки*. Указ. соч. С. 225.
18. *Такахико Танака*. Указ. соч. С. 99–100.
19. *Кубота Масааки*. Курэмурин э но сисэцу — хоппорёдо косё 1955–1983. [(Делегация в Кремль — переговоры по северным территориям)]. Токио, 1983. С. 32–34.
20. *Hellmann D.C.* Japanese foreign policy and domestic politics: the peace agreement with the Soviet Union. Berkeley, 1969. С. 59.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 29–30.
24. Там же. С. 34.
25. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan. Part 2. 1985. P. 1302–1304.
26. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 42.
27. Там же.
28. *Тихвинский Л.С.* В 1955 году СССР уступил Японии под нажимом Н. Хрущева. URL: <http://www.vremya.ru/2005/93/13/125913.html> [Дата обращения 07.08.2011].
29. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 43.
30. Там же. С. 49.
31. Варэра но хоппорёдо. [Наши северные территории]. Министерство иностранных дел Японии. Официальный веб-сайт. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/pub/pamph/pdfs/hoppob_2010_01.pdf (Дата обращения 12.08.2011). С. 11.
32. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 49, 52.
33. Нампо дохо энгокай. Хоппорёдо мондай сирёсю. [Сборник документов по проблеме северных территорий]. Токио, 1966. С. 10.
34. *Киси Нобусукэ*. Киси Нобусукэ кайсороку — хосюгодо то андзэнкайтэй. [Воспоминания Нобусукэ Киси — Сплочение консерваторов и пересмотр договора безопасности]. Токио, 1983. С. 181.
35. Асахи симбун. 1955. 13 нояб.
36. *Такахико Танака*. Указ. соч. С. 211.
37. Майнити симбун. 1956. 6 июня.
38. *Сигэмицу Мамору*. Сигэмицу Мамору сюки [Записки Сигэмицу Мамору]. Токио, 1988. Т. 2. С. 775.
39. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 103.
40. Кадзима хэйва кэнкюдзэхэн. Нихон гайкоси. Кова го но гайко, тайрэккоку канкэй. Ёсидзава сэйдзиро кансю [История японской дипломатии. Внешняя политика после заключения мирного договора. Отношения с великими державами]. Токио, 1973. С. 208–209.
41. Гаймусё дзёхо бунка кёку. Гаймусё хаппёсю [Министерство иностранных дел Японии. Сборник публикаций МИД Японии] Токио, 1957. № 4. С. 38–41; См. также: *Кубота Масааки*. Указ. соч. С. 122–123.

42. Там же.
43. Кадзима хэйва кэнкюдзёхэн. Указ. соч. С. 210.
44. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 111.
45. Асахи симбун. 1956. 31 мая.
46. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 114.
47. *Хатояма Итиро*. Указ. соч. С. 194.
48. *Такахико Танака*. Указ. соч. С. 255.
49. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 117.
50. *Тихвинский С.Л.* Россия-Япония обречены на добрососедство: Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 105.
51. *Алисон Г., Хирочи Кимура, Саркисов К.* От холодной войны к трёхстороннему сотрудничеству в азиатско-тихоокеанском регионе: Сценарии развития новых отношений между Японией, Россией и Соединенными Штатами. М., 1993. С. 158.
52. Кагосима хэйва кэнкюсёхэн. Ниппон гайко сюё бунсё нэмпё [Хронологическая таблица и основные документы японской дипломатии]. Токио, 1983. Т. 1. С. 781.
53. *Исимару Кадзута*. Сэнго нихонгайкоси II угокидасита нихон гайко. [Послевоенная японская дипломатия Ч. 2: Японская дипломатия в действии]. Токио, 1983. С. 126.
54. Асахи симбун. 1956. 6 сент.; см. также: *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 122.
55. Асахи симбун. 1956. 20 окт.; см. также: *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 122.
56. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 1992. С. 41–43.
57. *Асида Хитоси*. Асида Хитоси никки. [Записки Асида Хитоси]. Токио, 1986. Т. 6. С. 208.
58. Асахи симбун. 1956. 20 сент.
59. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 140.
60. Там же. С. 140–141.
61. Там же. С. 144.
62. Источник. 1996. № 6 (25). С. 116–121; см. также: *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 148–149.
63. *Павлятенко В.Н.* Трудная дорога к миру (К 50-летию подписания советско-японской Совместной декларации) // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 92.
64. Действующее международное право. М., 2002. Т. 1. С. 203, 207–208.